

Купецкий сын и царева дочь

Жил-был купец. Были они двое, муж с женой, и между их был один сын. Помер купец, и остался сын у него млáдый. Именья много — девать некуды. Купецкий сын вы́зрос порядочно и говорит матери: «Мамынька, не осталось ли после тятеньки деньжонок?» — «Осталось, сынок». — «Да-ка сотенку, я пойду на базар, не куплю ли чего?» Мать дала ему сотню. «На, говорит, коли можешь!» Он и пошел на базар. До базару не дошел — тащит мужик кота, на посуду бить. «Куды ты кота, дяденька, тащишь?» — «На посуду сменять». — «Продай лучше мне. Что возьмешь?» Тот нарочно и говорит (видит, что он глупый): «Дай сто рублей?» — «На!» Положил кота в пазуху и пошел домой. Приносит матери. «Мамынька, посмотри-ка, я чего купил». — «Сколько ты его дал — «Сто рублей». — «Да на́ што тебе, сынок, его?» — «Да пущай, мамынька, живет». На другой базар еще сто рублей просит. Мать еще дала. Пошел на базар, ведет мужик кобеля давить. Спрашивает его купецкий сын: «Куды ты, мужик, кобеля ведешь?» — «Удавить», — говорит. «Чем давить, продай лучше мне!» — «Купи, давай сто рублей!» Дал он ему сто рублей, взял кобеля и за веревочку домой повел. «Мамынька, посмотри-ка, я что купил». — «Что дал?» — «Сто рублей». — «На што тебе, сыночек?» — «Да пущай, для двора хорош он». В третий раз еще сто рублей просит. Мать опять дала. Идет на базар, видит, что жид на плечах мертвого человека тащит. «Куды ты, жид, человека несешь?» — «В яму бросить». — «Продай мне!» — «Купи». — «Что возьмешь?» — «Сто рублей». — «На!» Взял и понес его домой. Приносит домой, говорит матери: «Мамынька, я человека мертвого купил». — «Да на́ что тебе, сынок?» — «Вот я пойду на базар, гроб ему куплю, да его скороню». Гроб купил, его скоронил и поминки сделал. Три дня прошло, он и говорит матери: «Мамынька, надо трехдённы поминки сделать». Сделали поминки, обеденку отслужили и его помянули. Прошло время шесть недель. «Мамынька, надо поминки сделать: шесть недель прошло!» — «Надо, сынок». Сделали поминки, обеденку отслужили и помянули. «Мамынька, да-ка еще сотенку!» Мать дала. Он опять на базар пошел. Бегает по гумну мужик с рычагом, бьет змею превелича́юще. Он и бежит к нему на гумно. «Что ты, мужик, бегаешь? Чего ты тут с палкой делаешь?» — «Уди', глупый сын! Змею бью». Он его за палку пымал: «Стой! Стой! Не бей! Продай мне ее!» — «Купи, глупый!» — «А много ли возьмешь?» — «Сто рублей». Деньги купецкий сын выкинул, змею взял, в пазуху посадил и домой принес, по полу пустил — она и ползает. «Мамынька, посмотри-ка,

чего я купил!» Мать взглянула, ужаснулась: «Ах, глупый, каку страсть купил! Куды ты ее денешь?» — «А пушай, мамынька, живет!» Вот змея у них в дому зимовала; пришла красная весна. Змея зовет купецкого сына с собой, подойдет к нему, за ножку его потерябит и сама к порогу ползет. Купецкий сын думает: «Что змея делает?» А его змея с собой зовет. Вот он и говорит матери: «Я змею, мамынька, пущу, и сам с ней пойду!» Змея-то поползла, его с собой взяла. Ползет да за ножку его потерябливат. И доползла змея до превеликого провалу. В яме этой видимо-невидимо гадины. Змея и говорит ему человеческим гласом: «Вот ты, купецкий сын, встань тут, постой!» Он остановился, а она в нóру мырнула и скоро из норы обратилась, тащит в зубах золотой перстень. И говорит ему змея: «А на вот тебе, купецкий сын, от меня дорогой гостинец за то, что ты отвел меня от смерти». Он взял да и на пальчик надел. «А вот что, купецкий сын: как пойдешь дорогой да захочешь попить, погулять, скинь с правой руки злат перстень да скажи: "Вóиц ты, мой вóиц, злат перстень! (В этом перстне тридцать три молодца, под один голос, под один волос, под одну черную бровь.) Выдьте все сюда!"» Он так и сделал. Тридцать три молодца выходили, тридцать три стола выносили, наставили пойла медвяны и ества сáхарны. Вот купецкий сын наелся, напился как ему нужно; тридцать три молодца и говорят ему: «Что прикажешь, хозяин, работать?» — «Перстень, скройс!» На пальчик надел, домой пошел. Приходит к матери родной, кажет ей перстень дорогóй. «Мамынька, мне вот змея подарила, покорми-ка, мамынька, меня!» — «Я и печку-то, сынок, с год не топила: тебя долго не было». — «Ну дава-ка сядем да посидим». Скинул золотой перстень и сказал: «Вóиц, мой вóиц, золóт перстень! Выдьте все сюда!» Тридцать три молодца выходили и потчевали его с мамынькой. «Перстень, скройся!» И пропало все. «А что, мамынька, не осталось ли еще с сотенку?» — «Есть еще, сынок». — «Да-ка я пойду в город на ярманку торговать». Взял и пошел далеко. Шел по дорожке, и пришла еще дорожка. Повстречался ему человек и говорит: «Куды идешь, добрый молодец, купецкий сын?» — «А вот, в город торговать». — «Возьми-ка меня, айда вместе: и я туды. А много ли у тебя, купецкий сын, денег?» — «Сто рублей!» — «Ну и у меня сто рублей. Давай сложимся да давай крестами поменяемся, побратáмся!» Вот поменялись крестами и побратались. Купецкий сын стал большой брат, а тот меньшей, и пошли в инный город, на ярманку. Приходят в город, ночку ночевали, товару не купили, а за чем пришли все, этого нет: товары плохие, дорогие.

Вот в ефтом городе царь клич прокликал, что выдавал он за троих женихов дочь свою в замужество; обвенчают, на ложу положат — молодая жива, а молодой-от — мертвый. И прокликал царь клич: кто согласен ее замуж

взять, все хочет тому царство свое отдать. Купецкому сыну малый брат и говорит: «Пойдем, брат, с тобой! Не даст ли нам Бог? Айда-ка я тебя женю: ты побольше мѣня!» Было народу несколько, никто не соглашался: смерти боялся. Добры молодцы пошли, и говорит малый брат большому: «Иди-ка, братец, вперед, да мотри, меня не забывай, почаще поминай! Был бы я жив, будешь ты женат». Выходит купецкий сын вперед. У царя было не пиво варить, не вино курить: впрягли тройку в колѣсочку, во Божью церкву повезли, обвенчали и к царю помчали. Положили их на ложу: дружка с поддружьем и сваха с подсвашьем, а малый-то его брат шиг да шиг к нему тихонько. Дружко-то с поддружьем, сваха-то с подсвашьем куды следует ушли; осталось их тут три лица. Вот купецкий-то сын, он царской дочери обрадовался и на ложу ложился. Подошел к нему его малый брат: «А что, братец, знать, ты меня забыл?» — «Да, братец, ведь воля-то не моя!» — «Лежишь ты с женой, а удї-ка, Бог с тобой! Я лучше с ней полежу!» А молодая-то жена, как все равно стоит на путе волк, так она спит, крепко разиня рот. Малый брат с ней лежит, а обручѣвный муж глядит, что тут будет. Малый брат лег да ее обнял. Она спит, ничего не чувствует, растворились ее сахарные уста, вылезает из гортани лютый змей, высовывает голову на вершок. Увидал же малый брат и немножко поворотился, от лица ее отвернулся. Высунул лютый змей на четверть башку и смотрит, как ее муж лежит; а муж-то не с ней лежит, он на печке сидит, а тут брат лежит, думу думат: «Поможї, Боже, как избавить мне своо брата с законною женой». А змей кадык выпускает еще дальше. Меньшой брат отворачивается от жены еще больше. Змей-то ведь не знает, кто с ней лежит. Протянул он долгую шею, а купецкого сына малый-то брат да наотмашь змея цоп да цоп, да об пол грох да грох. Крепко убил и в подлавку положил и сказал большому брату: «Ну-ка, братец, иди сюды, да и спи с Богом! Я-то жив, и ты будешь жив, и сделай со своей молодой женой, как должно быть и что следует. Затем прощай! Не забудь малого брата на поднятии с подклета!» Тотчас ту минуту является дружка с поддружьем, подходят к дверям, где молодые проклажаются, и говорит дружка: «А Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй нас!» В комнате молитву принимали, в два голоса аминь отдавали и дружку проздравили.

Дружка больно обрадовался, с молодыми целовался и пошел к господину царю-домохозяину, и говорит: «Многая лет! Многая лет! А тому делу прошло тридцать лет. Три лица законных мужьев кончались, через четвертое лице жена возновлялась; я пришел, аминь сотворил, в два голоса мне аминь отдали». Царю было нужно идти молодых подымать и проздравить. Тут была стрельба, тут мы пили и гуляли. Молодых подняли, с законным браком

проздравили. То-то была попойка! Ведут сложи молодых к царю на крыльцо и на царское лице. Царь обрадовался, за Спасителя образ хватался и благословил новобрачных своих детей. Тут они гуляли, три дня друг друга не знали. Говорит купецкий сын: «Ох, Ваше царское Величество, мой батюшка-тесть, я ваш зять, а где же мне малого брата взять?» Царь и говорит: «А де знаешь, тут и возьми! Я его николи не видал и не знаю, чей такой». Является к ним малый брат, проздравляет: «Здравствуй, большак! А как ты здоров?» — «Вашими молитвами; как вы, так и мы». Пили тут, гуляли, три ночки ночевали. Малый брат и говорит: «А не пора ли нам, брат, домой, к матери родной?» Отвечает царский зять: «Ох, брат малый, а пойдем-ка мы с тобой и молоду возьмем». Отвечает тесть: «Вот, зятюшка, на карету бы тебе надо сесть. У нас три каретушки готовы, и кони запряжены». — «А вот, братец, — говорит малый брат, — пойдем да пешком! Бери-ка молоду свою жену за рученьку!» Тесть с тещей испугались, за дочь хватались. «Ох ты, батюшка-тесть, — сказал купецкий сын, — нельзя ли тебе на стул сесть, а нас благословить и на родину проводить? Пожалуйста в гости в таком часу. Прощайте!..» Испекли им три яйца, и пошли они в путь-дорогу. Вот шли да шли; царева-то дочь, человек-то нежный, пешком больно изустала, и говорит малый брат: «А вот мы, сестрица, дойдем до водицы, хлебца-то закусим, а водицы испьем». Шли путем-дорогой, до озера дошли. Молодица и говорит: «Ох, милый муж, ох, брат родимый! Не могу идти и ног тащить! Надо отдохнуть». Они у озера отдохнули, испили водицы; малый брат и говорит: «Под этой березой лягте отдохнуть!» Они постель постлали и отдыхать легли. Подходит к ним малый брат. Молодица крепко спит и разинула рот. Малый брат большаку и говорит: «Встань, брат, да уйди, на меня погляди!» Взял малый брат вострый нож, разрезал у молодницы белу грудь и достал до ретива сердца; распахнул ее белу грудь на обе стороны. Поползли из нее змеи и ужй. Малый брат из ее чрева гадину рукой выгребал, ее чрево морской водой вымывал, шелковью ниткой зашивал, святым духом покрывал; она встала да и говорит: «Как я нынче во сне холодную воду пила!» Малый брат и говорит: «Погляди-ка, тут что?» Он нагреб из ее чрева превеличающую ко́пну гаду. «А где, говорит, мой большой брат?» Является большой брат. «Вот теперь, братец, чистая твоя жена: она тебе Богом создана!» Встали и пошли. Шли они горами и прошли они быстрыми реками, дошли до темного лесу. В темный лес — повёртышек, небольшая тропочка. Пошли по ней. Тут стоял разбойничий дом. Вот пришли ко двору, отворили ворота — и нет никого; одна старая старуха. Малый брат и говорит: «О, старая дура, вот тебе будет худо! Скажи нам, где у вас казна? Где у вас кони и повозки?» Старуха испугалась, схватила ключи,

отперла подвалы и показала конюшни. «Вот вам подвалы с деньгами, вот вам конюшни с конями, вот вам колёски с колесами!» Малый брат и говорит: «Ну-ка, братец, казны бери!» — «Ты бери, братец: у меня дома много». Вот они казны насыпали, впрягли тройку, поехали домой. Ехали путем-дорогой и сёлками и просёлками. Во пёрво село приехали, больно прытко проехали, и с левого боку пристяжная лошадка шибко бежала, землю ногами на обе стóроны кидала, всю деревню песком заметала. Как проехали третьим-то селом, корневая бежит, только земля дрожит, по улице проехать нельзя. Приехал купецкий сын на то место, где у них было свиданье, де они шли с братом, когда крестами менялись, и это место они с ним распрощались. Вот большой брат и говорит: «А, пожалуйста, братец, ко мне в гости! Ко мне тесть скоро приедет». Отвечает малый брат: «А вот, братец, ко мне в гости жалуйте!» — «А где мне к тебе прийти? Кто ты такой?» — «А помнишь ли ты, братец? Я — того человека душа, которого ты на базаре покупал и сырой земле предал! Прощай!» Только они тут друг друга и видели. Вот купецкий сын поехал домой, к матери родной. Матушка их встречала, во сахарные уста целовала. Поехал их батюшка-тесть к ним в гости погулять, ихнего имения посмотреть. Приехал в первое село, где зять проехал. Рабочих людей многое множество землю копают, на все стороны кидают. Говорит царь: «Что это такое? Великая буря прошла?» Миряне и говорят: «Это не буря прошла, а проехал купецкий сын на тройке вороных коней».

Поехал царь дальше, доезжает до другого села, и многое множество рабочих людей землю копают, избы отрывают. Говорит царь: «Что это за великая буря прошла?» — «Нет, это не буря прошла, а проехал купецкий сын на тройке вороных коней». Поехал царь в третье село; доехал, и нельзя по улице ехать: как в холодное время — великие нырки, ямами все. Спрашивает царь: «Что это такое?» — «Это купецкий сын проехал на тройке вороных коней». Приезжает царь к купецкому сыну. Зять с дочерью встречают, за белые руки принимают, за дубовый стол сажают и водкой угощают. Пошли да погуляли трое суток. Царь и говорит: «Вот, зятюшка, будет да и прощай! Напредки меня не оставляй!» И уехал. Купецкий сын остался с молодой женой, стали жить да быть и добро наживать, худо проживать и стали торговлей заниматься. Купецкого сына жена припоила мужа пьяного и говорит: «Ох ты, муж, милый муж, а да-ка с правой-то руки золотой перстенок хоть на один часок!» Пьяный муж и говорит: «Ты не знашь, что с ним сделать!» Она крепко нарядилась, на кровать спать с ним легла, крепко целовала и к сердечушку туго прижимала, словами облазняла. «Ох, милый муж, скажи-ка мне про свой перстенок!» Он разумом-то не собрался и ляп-ляп, как корова на лубок. «Этот перстенок,

жена, дорог». Скидает купецкий сын с правой руки золот перстень и говорит: «О ты вóиц, ты мой вóиц, злат перстень! Угости-ка нас с молодой женой! Выдьте тридцать три молодца сюда!» Вышли тридцать три молодца, в один голос, в один волос, в одну черную бровь, вынесли тридцать три стола. «Извольте кушать, что вам угодно!» Напились, наелись. Купецкий сын и говорит: «Перстень, скройся!» И лег с женой спать. И эта молодая жена украсть сноровила у него перстень. Сняла с правой руки, вышла на высок крылец и сказала: «Вóиц мой, вóиц, золот перстень...» и т. д. Вышли тридцать три молодца, в один волос, в один голос, в одну черную бровь, вынесли тридцать три стола и т. д. «Что, молодича, прикажешь работать?» — «Отвезите меня к родителю-батюшке!» Они взяли, подхватили, и сейчас там.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Купецкий сын проснулся — хозяйшки нет и перстенька-то не было. Невесело ему: повесил буйну голову ниже могучих своих плеч, с тоски, с горя не знает, где лечь. Говорит ему мать: «Что, сынок, не весел, буйну голову повесил?» — «Молодой жены нет при мне». Дни два проходит, и нет жены. Говорит купецкий сын: «Ох, да знать, улетела на свою сторону! Видно, делать нечего, пропала!» Купленный кот сидит да и глядит ему в рот. «А что ты, милый хозяин, больно не весел?» — «Хозяйка пропала». — «Надо похлопать; вскричать надо кобеля», — говорит кот гласом человеческим. Поманил хозяин кобеля. Кобель подбежал и хвостом вертит. Кот и говорит кобелю: «А что, вот, кобель, наш хозяин в печали, говорить с нами не может, пойдём-ка его женку искать, а не женку искать — перстенок доставать. Он нас от смерти отвел». Кобель и говорит: «Айда-ка побежим!» Побежали к купецкого сына тестю, прибежали и увидели там молодичу. Кот и говорит кобелю: «Ты, кобель, живи на дворе, а я пойду проберусь в избу, не добыюсь ли перстня». Кот является в избу и смотрит — жена: «А гляди, говорит, кот-то! На запятках, видно, с нами приехал». Вот кот, умная голова, около нее мрн! мрн! мрн! Ходит круг ее, ласкается, лапки на шейку покладывает, хвостиком перед лицом поматывает. Приходит темная ночь, ложится молодича спать и с рученьки перстень скидает, в рот берет, зубами прижимает. Кот глядит. «Ну, да дай срок, злодейка, я тебе на с... в шапку-то!» Легла злодейка спать, кот на постель сел. Только она глаза защурила, коток приправил свой хвосток да по губам-то и провел. И говорит молодича: «ТЬфу, проклятый!» Перстенок изо рту-то трíньк! Кот его поддел и на нос надел; никого не ждал и из комнаты убежал. Говорит молодича: «Девка-служанка, подыми перстень!» Служанка огонек засвечала, искала — нет. Кот выбежал из хаты и кричит: «Кобель!» — «Здесь!» — «Я перстень

достал!» И полетели, куды надо им, прямыми путями-дорогами. Бегли-бегли много ли, мало ли, долго ли, коротко ли — и так добегли, что и идти некуды: превеличающая перед ними река. Добегли до реки, и говорит кот кобелю: «Ну давай, поплывем через реку, я перстенок понесу». А кобель и говорит: «Ты упустишь! Да-ка я понесу». Вот они сохватились драться. На бережку дрались и перстень в воду упустили. Сидит кобель, больно плачет. «Что́ ты, проклятый кот, сделал? Что́ ты мне его не отдал? Я бы его на ушко́ надел». Кот и говорит: «Да ведь не ты его доставал, а я. Ночуем, кобель, ночку!» Ночку на реке ночевали. Приезжают молодые рыболовы, в речку неводы бросили, рыбицы много пымали, много рыбицы пымали и всю ее распластали. А вот господин кот сидит на бережке-то да ноготочкой кишечки порет, а в кишечках-то смотрит и перстенок нашел: его рыбица сглотила. Поддел его коток в роток и полетел, как ясный сокол, а кобель не бежит — на берегу лежит. Подбежал кот к кобелю: «О да, брат же кобель, перстенок-то я нашел!»

Приходят домой, принесли купецкому сыну перстенок. Купецкий сын не знат, чем их напоить, накормить, не знает, где спать положить; берет от них золот перстенёк и говорит: «Да, спасибо вам, господа-товарищи! Нынешний день я при радости!» Надел купецкий сью перстень на правую рученьку и говорит: «Воиц, мой, воиц, золот перстень...» и т. д. — «Что прикажете?» — «Прошу я вас, чтобы завтра жена здесь была!» Зоренька не занялась — они ее доставили, и стал купецкий сын с ней жить да быть. Вот и сказочке конец, ее сказал молодец. Нам, молодцам, по рюмочке винца, по стаканчику пивца, а на закуску хлеба ломоть. Взял, да и будет. Ох, да погожу; это бросим, но́во начнем. Я там был и пр.

(Со слов Абрама Новопольцева, село Новиковка Ставроп. уезда Самарск. губернии)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.